

- 1 Гурбаннеспесов, К. Холм раздумья / К. Гурбаннеспесов. – 1995. – 362 с.
- 2 Гурбаннеспесов, К. Глазами поэта / К. Гурбаннеспесов. – 1987. – 90 с.
- 3 Кекилов, А. Любовь : роман в стихах / А. Кекилов. – 2013. – 12 с.
- 4 Дивангулыев, Х. Учения поэта-учёного: цитаты / Х. Дивангулыев. – 2019.

УДК 821:112.2

Е. Л. БАТУРИНА

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ МОТИВ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

Одним из лейтмотивов романтизма – литературного, философского и художественного течения первой трети XIX века – является мотив путешествия, который пришел в романтическую литературу из древних сказаний, преданий, библейских и богословских текстов. Путешествия традиционно отождествлялись философской мыслью с познанием и развитием: через перемещение в пространстве человек прошлого, ограниченный в своих знаниях об окружающем мире, познавал мироздание и свое место в нем.

В мировой литературе распространено несколько типов сюжетов о путешествиях. К типу «путешествие-возвращение» можно отнести ветхозаветный рассказ о возвращении вedomых Моисеем евреев в Землю обетованную, сюжет гомеровской «Одиссеи», притчу о блудном сыне. Тип «путешествие-испытание» часто встречается в античных мифах (мифы о Персее, Геракле, Аргонавтах) и рыцарских рассказах (например, английская поэма XIV века «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь»; «Дон Кихот» Сервантеса, являющийся ироническим переосмыслением рыцарского романа-путешествия). Путешествие-искание, также переосмысленное как познание, – частый сказочный мотив (искать Жар-птицу, идти туда-не-знаю-куда); мотив путешествия как познания реализован в «Божественной комедии» Данте Алигьери; именно он впоследствии стал центральным для раннеромантических романов Новалиса и Л. Тика. Мотив путешествия-служения приобретает сакральное значение в Евангелии: Христос, а после Его смерти и воскресения святые апостолы путешествуют по миру и проповедуют слово Божие. Тип сюжета «путешествие-соблазнение» представлен, в частности, в истории про Тангейзера и Венерину гору, а в период романтизма часто использовался в балладах и сказках о странниках (рыцарях) и лесных волшебницах (феях, русалках).

На рубеже XVIII–XIX столетий путешествия стали рассматриваться как неотъемлемая часть воспитания обеспеченного молодого человека. Путешествия виделись способом преодоления узости мышления, приобретения ши-

рокого взгляда на жизнь. Романтики, вдохновлявшиеся Средневековьем, мечтали возродить традиции странствующих студентов, музыкантов, художников. По словам Л. Тика, «счастлив тот, кому в ранней юности, когда сердце и разум еще не испорчены, повезло совершить путешествие по прекрасным странам. Тогда всё кажется ему таким естественным, правдивым, родным, он замечает и учится, сам того не подозревая, его тихий энтузиазм всё ловит с любовью, и он с дружелюбной серьезностью проникается всеми вещами: для такого ума впоследствии родина сохраняет очарование чужого, он теперь понимает, что значит быть на родине, далекое и близкое становятся для него одним целым, и в сравнении многообразных объектов он постигает истину. Вот для чего молодых людей благородного происхождения посылали в путешествие по окончании их учебы. Человек по-настоящему понимает близкое и родное, когда чужое перестает быть ему чуждым» (*«Wie glücklich, wem es vergönnt ist, in erster Jugend, wenn Herz und Sinn noch unbefangen sind, eine große Reise durch schöne Länder zu machen, dann tritt ihm alles so natürlich und wahr, so vertraut wie Geschwister, entgegen, er bemerkt und lernt, ohne es zu wissen, seine stille Begeisterung umfängt alles mit Liebe, und durchdringt mit freundlichem Ernst alle Wesen: einem solchen Sinn erhält die Heimat nachher den Reiz des Fremden, er versteht nun einheimisch zu sein, das Ferne und Nahe wird ihm eins, und in der Vergleichung mannigfaltiger Gegenstände wird ihm ein Sinn für Richtigkeit. So war es wohl gemeint, wenn man sonst junge Edelleute nach Vollendung ihrer Studien reisen ließ. Der Mensch versteht wahrhaft erst das Nahe und Einheimische, wenn ihm das Fremde nicht mehr fremd ist.»*) [1, с. 6]. Магнитом для поэтов и художников была Италия с ее живописными ландшафтами и сокровищами искусства разных эпох. Вместе с тем романтики открыли для себя свою собственную родину, Германию, ее старинную литературу, архитектуру и живопись, народную культуру. В легенды вошло путешествие поэтов-романтиков К. Brentano и А. фон Арнима по Рейну в 1802 г., результатом которого стало не только издание знаменитого сборника народной поэзии «Волшебный рог мальчика» (этот двухтомник впоследствии положил начало общеевропейскому увлечению народным творчеством, сбором и обработкой народных песен и сказок), но и создание мифа о Рейне, ставшего частью немецкого культурного кода.

Романтическая тоска по далёкому и недостижимому актуализировала символическое, философское значение путешествия. Романтики рассматривали жизнь и творчество как процесс, движение, развитие; творческая деятельность и жизнь человека в целом приобрела в романтическом сознании значение путешествия в поисках божественного и в то же время в поисках себя. Л. Тик так описал чувства романтического героя, зовущие его в путь: «Юный граф Петер не знал собственных желаний; ему казалось, будто бы в лесу раздавались неясные далёкие голоса, он желал следовать за ними,

страх сдерживал его, но предчувствие подталкивало» (*«Aber der junge Graf Peter kannte seine eigenen Wünsche nicht; es war ihm, als wenn ferne Stimmen unvernnehmlich durch einen Wald riefen, er wollte folgen, und Furcht hielt ihn zurück, doch Ahnung drängte ihn vor»*) [1, с. 327].

В центре сюжетов двух важнейших романов раннего немецкого романтизма «Генрих фон Офтердинген» Новалиса (*«Heinrich von Ofterdingen»*) и «Путешествия Франца Штернбальда» (*«Franz Sternbalds Wanderungen»*) Л. Тика находится путешествие в поисках смысла существования и творчества. Во время странствий главные герои этих романов встречаются людей из разных социальных групп – крестьян, торговцев, художников и поэтов; в разговорах с каждым из них герои постепенно открывают себе своё предназначение. Путешествие монаха Метарда в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры Сатаны» начинается его бегством из родного монастыря в поисках загадочной незнакомки, образом которой одержим герой. В отличие от Генриха фон Офтердингена и Франца Штернбальда, в своём путешествии Метард открывает не светлые, а страшные, тёмные глубины своей души, чуть не сходит с ума и едва не теряет бессмертную душу. Только отказом от телесности, от желаний, от земной любви он может вернуться домой – в монастырь. Конечной точкой в путешествии Метарда стала смерть его возлюбленной Аурелии и его собственная смерть, которая предстает в романе как возвращение в царство Божие – истинный дом человека.

Мотив путешествия присутствует в шести из семи сказочных новелл первого тома сборника «Фантазус» (*«Phantasmus»*, 1812–1816) Л. Тика: в новеллах «Руненберг» (*«Der Runenberg»*), «Белокурый Экберт» (*«Der blonde Eckbert»*), «Верный Экарт и Тангейзер» (*«Der getreue Eckart und der Tannenhäuser»*) героям не удалось отречься от сил зла, преодолеть искушение, они отправились в путешествие, финал которого трагичен. В сказочной новелле «Любовные чары» (*«Liebeszauber»*) мотив путешествия выступает фоном основного действия: главный герой путешествует и на время останавливается в городе, где происходят основные события новеллы. «Любовная история Прекрасной Магелоны и графа Петера Прованского» (*«Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence»*) представляет собой переложение Л. Тиком популярного сюжета народных книг, источником для которых послужил известный французский рыцарский роман XV века. В новелле тема путешествия главных героев соединяет мотивы испытания и возвращения, традиционные для рыцарского романа. В сказке-новелле «Эльфы» (*«Die Elfen»*) Главный герой случайно попадает в удивительный мир волшебства и гармонии – страну эльфов. Путешествие в страну эльфов – это романтическое путешествие в поэтическое измерение, которое где-то рядом, прячется за скромным бедным фасадом. Соседство прекрасного и прозаичного, возможность путешествовать по обе стороны

реальности – любимый прием Э. Т. А. Гофмана: зайдя в двери обычного дрезденского дома, можно попасть в обитель великого волшебника Саламандра, который под видом скромного архивариуса живет среди немецких бюргеров (сказка «Золотой горшок», «*Der goldene Topf*»), во время прогулки в лесу рядом неподалеку от университета есть шанс натолкнуться на имение волшебника (сказка «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер», «*Klein Zaches genannt Zinnober*») и т. д.

В произведениях романтиков часто встречается мотив путешествия как бегства от прозы повседневной жизни, которая становилась все более бездуховной и механизированной. На пороге эпохи индустриализации пространство за городскими стенами стало казаться спасением, и романтик устремился к природе. Этот мотив доминирует в романтической новелле Й. Эйхендорфа «Из жизни одного бездельника» («*Aus dem Leben eines Taugenichts*»).

Постепенно, начиная с гейдельбергского периода, художественный мир немецкого романтизма все больше христианизировался. В рассказе А. фон Арнима «Изабелла Египетская, первая любовь императора Карла V» («*Isabella von Ägypten, Kaiser Karl des Fünften erste Jugendliebe*») мифологическая история цыган является переосмыслением библейской истории изгнания евреев из Израиля, искупления и возвращения. Героиня романа Изабелла благодаря своей самоотверженности, жертвенности снимает проклятие со своего народа, и цыгане могут вернуться на родину, в Египет, в свое легендарное царство.

Поздние романтики К. Brentano, А. Шамиссо, Л. Уланд, Й. Эйхендорф, В. Мюллер нередко обращались к мотиву странствий в своих лирических произведениях. Поэтический цикл «Песни странствий» («*Wanderlieder*») Й. Эйхендорфа насыщен библейскими образами. Лирический герой цикла – странствующий музыкант, который на своем пути дарит людям надежду, прославляет простые радости жизни, воспекает Божественное творение. Настроение заключительных стихотворений цикла контрастирует с легкой беззаботностью основной части: весна и лето жизни сменяются гробовым холодом зимы. Музыкант-путешественник возвращается в родной дом, где ему холодно и одиноко. Ангел в образе прекрасного ребенка ведет героя туда, где он найдет вечное пристанище. В «Песнях странствий» есть философское осмысление жизни христианина – жизни как паломничества к Богу.

Таким образом, можно утверждать, что мотив путешествия является одним из наиболее характерных мотивов романтизма. Он присутствует на всех этапах развития немецкого романтизма. На поздних этапах эпохи, в процессе христианизации романтического сознания, мотив путешествия все чаще выступал как метафора жизненного пути, ведущего человека к Богу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Tieck, L. Phantasius. Eine Sammlung von Märchen, Erzählungen, Schauspielen und Novellen : in 3 Bänden / L. Tieck. – Berlin : Realschulbuchhandlung, 1812. – Band 1. – 516 s.

УДК 656:821.161.1

М. Д. БЕРКЕЛИЕВА

*Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана,
г. Ашхабад*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТА И ТЕХНОЛОГИЙ В РОМАНЕ В. ОДОЕВСКОГО «4338-й ГОД: ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПИСЬМА»

Писатель, музыковед и активный деятель просвещения Владимир Одоевский известен прежде всего как автор сказок. А между тем в его дневниках есть записи, которые можно истолковать как предсказания появления современных технологий. Неоконченный футуристический роман Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» является одним из наиболее значимых фантастических произведений первой половины XIX века. В этом научно-техническом романе автора перед читателем предстает Земля за год до столкновения с кометой Биэлы. Однако многие технологии «пятого тысячелетия» человечеству удалось придумать и применить намного раньше. Одна из них – скоростной подземный транспорт, известный жителям XXI века как метро.

На первый взгляд кажется, что Одоевский сильно ошибся с веком из-за того, что не учел ускорения темпов жизни и научного прогресса. Интересно, что большинство писателей того периода, описывавших будущее, в отличие от современных фантастов, использовали масштабные временные промежутки. Это связано с неспешным течением жизни в XIX веке, а также с медленным техническим прогрессом. Поэтому разрыв в пару тысячелетий не казался чем-то чрезмерно длительным и непредсказуемым.

«До сих пор поездка моя была благополучна; мы с быстротою молнии пролетели сквозь Гималайский туннель, но в Каспийском туннеле были остановлены неожиданным препятствием: ты, верно, слышал об огромном аеролите, недавно пролетевшем через южное полушарие; этот аеролит упал недалеко от Каспийского туннеля и засыпал дорогу. Мы должны были выйти из электрохода и со смирением пробираться просто пешком между горами метеорического железа; в это время на море была буря; седой Каспий ревел над нашими головами и каждую минуту, кажется, готов был на нас рухнуть; действительно, если бы аеролит упал несколькими саженьями далее, то туннель бы непременно прорвался и сердитое море отомстило бы человеку его дерзкую смелость; но, однако же, на этот